

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGICAL SCIENCES

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.20>

ДЕСЕМАНТИЗАЦИЯ КАК СПЕЦИФИКА ОБИХОДНОГО ОБЩЕНИЯ

Виолетта Михайловна Грязнова

Северо-Кавказский федеральный университет (д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)

Доктор филологических наук, профессор

violetta-sgy@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2577-9594>

Аннотация. Введение. Проблематика десемантизации в лингвистике рассматривается с разных сторон: как следствие развития значения слова, как явление, обусловленное ослаблением номинативной функции, как результат влияния на развитие значения слова его лексической сочетаемости. Актуальность статьи основана на отсутствии работ, посвященных различным проявлениям процесса десемантизации существительных в современной разговорной речи. Цель статьи – выявить специфику семантической структуры имен, сигнификативно-денотативный компонент которых в разговорной речи редуцируется. **Материалы и методы.** Материалом послужили дефиниции ряда лексем в толковых словарях русского языка и выборка текстов, включающих данные номинации, из Национального корпуса русского языка. Использовались следующие методы: компонентный анализ, метод дефиниционного анализа словарных статей, сопоставительный метод, метод контекстологического анализа. **Анализ.** На основе собранного материала автор выявляет три группы имен существительных с разными видами десемантизации, в результате которой формируются особые значения: а) местоименное значение, б) самостоятельное оценочное значение, на базе которого может возникнуть омонимичное междометие, в) нумерологическое значение, выступающее в единстве с эмоционально-оценочным. Автор выявляет, что для местоименного значения или употребления характерны акцентирование размытого обозначения предмета действительности, внимание к его общей

родовой принадлежности, указание на предмет, наличие antecedenta или postcedenta. Во втором виде процесса десемантизации имя в качестве вершины своего значения имеет прагматический компонент, а его сигнификативно-денотативный компонент находится на периферии. В третьем виде процесса десемантизации существительное, обладающее в своем основном значении компонентом «значительное превышение стандартных характеристик», приобретает диффузную семантику, в которой одновременно присутствует и нумерологический, и прагматический компоненты. **Результаты.** В целом материал позволяет автору сделать вывод о том, что разговорное обиходное общение имеет в своей основе поверхностное знание, что и отображается в различных видах и результатах процесса десемантизации в содержании представленных групп существительных.

Ключевые слова: значение, существительное, десемантизация, диффузность семантики, разговорная речь

Для цитирования: Грязнова В. М. Десемантизация как специфика обиходного общения // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 698-706. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.20>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 05.05.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.07.2023.

Статья принята к публикации: 23.08.2023.

Research article

DESEMANTIZATION AS A SPECIFICITY OF EVERYDAY COMMUNICATION

Violetta M. Gryaznova

North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., 355017 Stavropol, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

violetta-sgy@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2577-9594>

Annotation. Introduction. The problem of desemantization in linguistics is considered from different sides: as a consequence of the development of the meaning of a word, as a phenomenon caused by the weakening of the nominative function, as a result of the influence of its lexical compatibility on the development of the meaning of a word. The relevance of the article is based on the lack of works devoted to various manifestations of the process of noun desemantization in modern colloquial speech. The purpose of the article is to identify the specifics of the semantic structure of names, the significative-denotative component of which is reduced in colloquial speech. **Materials and methods.** Russian dictionary definitions of a number of lexemes and a selection of texts including these nominations from the National Corpus of the Russian language served as the material. The following methods were used: component analysis, the method of definitional analysis of dictionary entries, the comparative method, and the method of contextual analysis. **Analysis.** Based on the collected material, the author identifies three groups of nouns with different types of desemantization, as a result of which special meanings are formed: a) a pronominal meaning, b) an independent evaluative meaning, on the basis of which a homonymous interjection can arise,

c) a numerological meaning acting in unity with an emotional-evaluative one. The author reveals that the pronominal meaning or use is characterized by accentuation of the blurred designation of the subject of reality, attention to its general generic affiliation, indication of the subject, the presence of an antecedent or postcedent. In the second type of the desemantization process, the name has a pragmatic component as the apex of its meaning, and its significative-denotative component is located on the periphery. In the third form of the process of desemantization, a noun that has in its main meaning a component "a significant excess of standard characteristics" acquires diffuse semantics, in which both numerological and pragmatic components are present at the same time. **Results.** In general, the material allows the author to conclude that colloquial everyday communication is based on superficial knowledge, which is reflected in the various types and results of the desemantization process in the content of the presented noun groups.

Keywords: meaning, noun, desemantization, diffuse semantics, colloquial speech

For citation: Gryaznova V. M. Desemantization as a specificity of everyday communication. *Humanities and law research.*

Введение. Проблематика десемантизации в лингвистике рассматривается, во-первых, с точки зрения развития семантической структуры слова, в процессе которого могли возникать опустошенные значения и употребления. Так, Д.Н. Шмелев в своих работах выявил виды семантического обособления грамматических форм слова [21, р. 79–81]. Ю. Д. Апресян исследовал явление лексической неоднозначности [1, р. 44–46]. Е. В. Урысон описала сдвиг семантического акцента в значении лексемы [19, р. 456–463]; А. А. Зализняк изучила соотношение многозначности, полисемии и смежных явлений, различные способы представления многозначности [6, р. 20–73].

Во-вторых, проблематика десемантизации изучается как явление, обусловленное ослаблением номинативной функции лексемы, в результате чего возникают производные переносные значения с диффузной семантикой, что прежде всего свойственно разговорной речи. Повседневное общение с лингвистической точки зрения характеризуется мгновенностью в выборе слов, усилением эмоционального компонента в содержании выбранной лексемы и уходом на периферию ее денотативно-сигнификативного компонента. В. И. Карасик так пишет о ситуации обиходного общения: «Требуется не точное, а функционально адекватное замещение коммуникативной потребности вербальным знаком, и поэтому важнейшей характеристикой обиходного общения является широкая семантическая вариативность используемых знаков, размытость их семантики и логически связанная с этим качеством ситуативная обусловленность» [8, р. 105]. Так, Н. Д. Арутюнова в книге «Язык и мир человека» исследует соотношение дескриптивного и оценочного значений в составе предикатов, выраженных прилагательными [3, р. 34–40]. Е. В. Рахилина, изучая прилагательные цвета, размера и др., описывает влияние на развитие значения слова лексической сочетаемости [14, р. 116–140]. Е. Б. Никифорова, Е. С. Мордвинкина в семантической структуре названий сладостей выявляют вторичные оценочные значения, в которых актуализируется или нейтрализуется денотативный компонент [12, р. 11]. В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, В. Д. Драгой и др. представили комплексный анализ полисемии, интегрирующий лексикографические, количественные, психолингвистические и нейролингвистические методы [2, р. 12]. При этом специфика различного проявления процесса десемантизации существительных в современном русском языке является неизученной.

В целом процесс десемантизации слова в разговорной практике обиходного общения связан с тем, что оно опирается на обыденно-практическое, житейское знание, которое прежде всего сводится к констатации фактов и дает приблизительное и подвижное обозначение фрагментов действительности.

Проблематика специфики процесса десемантизации слова в разговорной речи активно разрабатывается на кафедре русского языка Северо-Кавказского федерального университета в рамках научного направления «Семантика и прагматика языковых единиц». Так, под руководством проф. В. М. Грязновой защищены и утверждены следующие диссертации на соискание степени кандидата филологических наук: И. Н. Корсуновой «Дейктические существительные в современном русском языке; состав, семантика, прагматика» [9], А. Н. Мамедовой «Оценочно-характеризующие существительные с ослабленной или утраченной номинативной функцией в современном русском языке: состав и динамика семантической структуры» [11], Д. А. Писаренко «Слово *смерть* в русском языке: семантический, семиотический, лингвокультурологический аспекты» [13].

Материалы и методы. Материалом работы послужили дефиниции определенных лексем в различных толковых словарях русского языка и выборка высказываний, включающих данные номинации, из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Кроме общенаучных исследовательских методов использовались следующие специальные лингвистические методы: компонентный анализ значения языковых единиц, метод дефиниционного анализа словарных статей, сопоставительный метод, метод контекстологического анализа.

Анализ. Объектом данной статьи является разнонаправленность процесса десемантизации существительных в обиходной разговорной практике, что приводит к разным результатам в семантической структуре слова. Предметом работы является специфика переносных значений и смыслов определенных многозначных имен существительных (возникновение местоименных, или широкозначных эмоциональных, вплоть до междометных, или нумерологических употреблений узуального или нормативного характера, континуальность, диффузность содержания слова), а также особенности фиксации таких номинаций в толковых словарях русского языка.

В нашем материале нами выделены три группы существительных. Первая группа имен связана с возникновением в разговорной практике переносных значений местоименного характера. Акцентирование размытого обозначения предмета действительности, внимание к его общей родовой принадлежности нередко приводит к возникновению в узусе (затем и в языке) особых местоименных значений или смыслов у ряда активно употребляющихся в разговорной речи существительных, относящихся в своем прямом значении как к литературному языку, так и к разговорной речи. В данной статье это такие слова, как *вещь, дело, штука, фиговина, штуковина, хреновина, понятие*, которые мы расположили в порядке их частотности (пере-

носные употребления подобных лексем в книжной речи см. работу И. Н. Корсуновой [9]), Полагаем, что в определенных своих значениях или смыслах они обладают местоименным типом лексического значения. Например: «С учениками вот ни разу не ездил, но считаю, что все эти программы обмена – **дело** хорошее!». Коллективный форум: были вы в стране преподаваемого языка? (2008-2011); «Да, ТК не совершенен, но в условиях переходного государства – совершенство – **вещь** условная». Коллективный форум: 12 часов в день?... (2010-2011); «Очень много стало на театрах пыльных чеховских истерик, и вдруг показалась близкой некоммуникабельность праздных антониониевских лунатиков. Жизнь безрадостная **штука**!». Горелов. Москва кирзам верит. «Молодые». Год 1971. Известия. 2002.07.14.; «Думаю, главное – это стиль, великое, непреходящее **понятие**». С. Спивакова. Не всё (2002) и т.п.

В приведенных примерах названные лексемы не называют, а указывают на предмет и выражают указание в именных категориях падежа, числа и рода, что в целом соответствует определению местоимения. Тип речевой соотнесенности изучаемых слов с внеязыковой действительностью (его денотативный статус) выявляет принадлежность лексем **вещь**, **дело**, **штука** и им подобных в представленных контекстах к местоименным словам, хотя в Лингвистическом энциклопедическом словаре (ЛЭС) в состав местоименных слов, кроме собственно местоимений, включают только наречия и глаголы, а в Русской грамматике-80 данный разряд слов (местоименные слова) вообще не отмечается [16, р. 531]. Кроме того, изучаемые нами лексемы, как и классические местоименные слова, являются именами-заместителями. А. А. Реформатский сравнивает местоименные слова с бумажной валютой: «это как бы бумажная валюта, функционирующая ради удобства, благодаря наличию золотого фонда. Золотым фондом для местоимений являются знаменательные слова, без наличия которых существование местоимений «обесценено», как и стоимость бумажных денег без обеспечивающего их стоимость золота» [15, р. 70].

Покажем фиксацию местоименных ситуационных значений изучаемых имен существительных в толковых словарях русского языка. Лексема **вещь**. В Сл. Ушакова указательное значение зафиксировано, оно дано как оттенок подзначения седьмого значения: 7. 'Факт, случай'. // 'Обстоятельство, дело, явление': *Одна вещь не понравилась мне в моем новом знакомом: он заметно картавил.* // 'Что-то, нечто (в сочетании с прил.; разг.): Остроумие – великолепная вещь. Достоевский. (Ушаков). В Русском семантическом словаре (РСС) это уже самостоятельное значение: **вещь** – 5. 'Нечто: предмет, явление, ситуация, слова (обычно в квалифицирующем контексте)'. *Произошла непонятная вещь. Прекрасная вещь – молодость. Он говорит странные вещи. Здоровье – бесценная вещь* (РСС).

Лексема **дело**. В словаре Д. Ушакова в качестве указательного отмечается значение номер 14:

'Обстоятельство, вещь, явление с пометой (разг.): *Все дело сводится к следующему. Это совсем иное дело. Дело идет о чем-н. Дело идет к осени* (Ушаков). «Русский семантический словарь» также выделяет местоименное значение данного существительного: 12. 'Некое явление, некая сущность (обычно в оценочном контексте)': *Ученые – дело важное. Семья – дело ответственное. Эта книга – дело всей жизни писателя. Одиночество – дело тяжелое* (РСС).

Лексема **понятие**. В Сл. Ушакова, в Словаре современного русского литературного языка. В 17 т. (далее БАС) не зафиксировано интересующее нас местоименное значение данного существительного. Такое значение отмечено только в Русском семантическом словаре: **Понятие** – 4. 'В некоторых сочетаниях: вещь, предмет'. *Человек – понятие сложное. Хорошая жизнь – понятие относительное* (РСС).

Лексема **штука**. В словаре Д. Ушакова местоименный компонент представлен в двух значениях: 3. 'Вообще вещь, предмет, какое-н. явление или человек'. *Что за штука там лежит. Ружье – хорошая штука.* 5. 'только ед. Употр. во многих выражениях в значении обстоятельство, дело, вещь'. *Вся штука в том, Захар Иванович, что человек слаб.* Салтыков-Щедрин (Ушаков, аналогично Ожегов). В «Русском семантическом словаре» также отмечено указательное значение данного существительного: 2. 'Предмет, явление, вообще то, о чем идет речь (разг. шутол. или неодобр.)'. *Трудная штука математика. Сложная штука жизнь* (РСС).

Лексема **штуковина**. В толковом словаре Д. Ушакова: *Штуковина*. 'То же, что штука в 3, 4 и 5 знач. с пометами (прост. фам.)'. *Это что за штуковина? Вот так штуковину ты выкинул* с пометой (прост) (Ушаков). В «Русском семантическом словаре» также зафиксирована лексема **штуковина** в местоименном значении, хотя и без примеров: 2. 'То же, что штука (обычно о том, что является предметом удивления или оценки)' (РСС).

Лексема **фиговина**. В «Русском семантическом словаре» приводится следующее определение, в содержании которого наличествует указательный компонент: *Фиговина*. (прост. груб.). 'Нечто плохое, неприятное или необычное, непонятное' (РСС). В Толковом Сл. Кузнецова (2009) читаем аналогичную дефиницию: *Фиговина* (разг. сниж.). 'О чём-нибудь маленьком, незначительном'. В «Словаре русского арго» В.С. Елистратова (Сл. рус. арго 2000): толкование также включает указательный местоименный компонент: *Фиговина*. Любая вещь'. От *фиг*.

Лексема **хреновина**. В словаре Д. Ушакова в своей указательной функции данное существительное представлено во втором значении с пометами прост., вульг.: 2. 'Что-нибудь плохое, скверное' *Я эту хреновину не буду читать.* Шолохов (Ушаков). В толковом Сл. Кузнецова (2009) также отмечено местоименное значение данной лексемы: *Хреновина* (грубо). 1. 'О ненужной, негодной вещи'. *Зачем ты купила эту хреновину? Эту хреновину*

надо выбросить. Данная лексема в изучаемом нами значении отмечена и в «Словаре русского арго» В. С. Елистратова (Сл. рус. арго 2000): *Хреновина*. 'Любая вещь'. От *хрен*.

Указательное значение (или смысл) подобных существительных может быть подвержено нюансировке в зависимости от широкого или узкого контекста. Чаще всего встречается такой местоименный тип лексического значения, как собственно указание (аналогичное указательным местоимениям). «Свободные юбки на бедрах – вещь практически универсальная». Обновить гардероб? Легко! Сочетания, создающие стиль // «Даша», (2004); «Нефть у нас уже есть, и она нас худо-бедно кормит. Другое **дело** – газ. У нас 32% мировых запасов». Михаил Блант. Система ценностей и ценность системы (2003) // «Еженедельный журнал», 2003. 04.01; «Он мешал и тем, и этим, – отводя глаза, проговорил Мышкин. – Карманные террористы, действительно, весьма удобная **штука**». Вера Белоусова. Второй выстрел, (2000); «Сила духа – **понятие** относительное. Многие, особенно в молодости, считают себя сильными духом, способными вынести правду о близкой смерти». И. Грекова. Перелом (1987).

В то же время указание на предмет в содержании изучаемых имен может осложняться дополнительными смысловыми оттенками. Мы согласны с мнением, высказанным Д. А. Галай, Н. В. Гутовой, о том, что «местоимения не просто указывают на предметы, признаки или количества, а указывают на них через отношение к другим предметам, признакам или количествам, к определенной ситуации общения, его участникам и т.п.» [17, р. 92], и относим его к изучаемым нами существительным.

Чаще всего в качестве дополнительного смысла выступает компонент 'неопределенность'. «В общем неопределенные местоимения семантически указывают на неопределенные, не выясненные предметы, лица, свойства, количества, а также обозначают частичность, неполноту, «предмет или признак, мыслимый как лишенный конкретности, как любой или не подлежащий более точному определению» [4, р. 229].

Компонент 'неопределенность' в представленных именах может семантизироваться в различных вариациях:

- вариация 'указание на известный говорящему предмет, событие, явление и т.п., которые он намеренно не называет вообще или не сразу называет'. «На вопрос, как правительство собирается в дальнейшем снижать инфляцию, Герман Греф ответил, что “это такая **вещь**, на которую не принято очень распространяться”». Людмила Мещанинова. Ускользающая инфляция // «Время МН», 2003. 08.09; «Меня просили забрать одну **вещь**, которую тебе давали на время». Андрей Геласимов. Ты можешь (2001); «Впрочем, кроме стопки бумаги, ручки и компьютера для погружения в таинство превращения веществ нужна еще столь прозаическая **штука**, как деньги». Сергей Алексеев. Превращение цепей. Премия для молодого ученого-теоретика // «Известия», 2003. 02.20.; «Мы блуждали в дебрях

полотнищ, металлических конструкций, деревянных брусьев и щитов. Он безошибочно указывал из какого спектакля вот эта **фиговина** или вот эта **хреновина**». Елена Белкина. От любви до ненависти (2002);

- вариация 'указание на отдельный фиксированный для говорящего, но неизвестный или не вполне известный ему предмет, явление. Что-то'. «Например, чтобы “отнять” свидетельские показания (получить их), вовсе необязательно снабжать героя, скажем, деньгами для подкупа, чтобы “обменять” их на нужную **вещь** (признание)». В. Э. Карпов, Т. В. Мещерякова Об автоматизации нетворческих литературных процессов // «Информационные технологии» (2004); «Тут вот какое **дело** ..., я себе представлял, что, ну, это устроено одним образом, а оказалось, что оно устроено совершенно иначе». Евгений Гришковец. ОдноврЕмЕнно (2004); «А кличка у него, если тебе интересно, стоп-кран. – Что это такое? – Это такая **штука** на титане, – сказал Андрей, – чтобы пар выходил. Он раньше на титане работал, воду кипятил». Виктор Пелевин. Желтая стрела (1993); «Просто в следующий момент в руках моих заплясала эта чертова **штуковина**, а толчея послушно и быстро стекла в стороны, сменяя себя ..., легких не было, сердце скакало меж диафрагмой и теменем, Скакала в страшно далеких и мне не принадлежащих ладонях эта **хреновина**». Александр Гаррос. Алексей Евдокимов. Новая жизнь. Святочная повесть (2005);

Указание на предмет в содержании изучаемых имен может осложняться и таким дополнительным смысловым оттенком, как 'определенность' в его различных вариациях:

- вариация 'указание на то, что фиксированный для говорящего предмет, явление рассматривается в полном объеме'. «Изгиб был такой пронзительной женственности, что Длинноволосый смутился, словно ненароком увидел голую женщину: “Какая прекрасная ... – Он запнулся, подыскивая слово: машина, игрушка, **вещь**? Отбросил неподходящие слова и повторил с окончательной интонацией: – Какая прекрасная!”». Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого. Путешествие в седьмую страну света. «Новый мир» (2000); «А еще такой же салатик в шале делают, только без крабовых палочек, и называется это **дело** у них “нежность”». Коллективный форум. Салаты (2011); «Поняв, что их обманывали, они сказали себе: “Отличная по тем времена **штука** – шестизарядная, надежная, а главное дело, – легкая. Он с солдатской нежностью вспоминал ее”». Даниил Гранин. Зубр (1987);

- вариация 'указание на то, что объединяются отдельные однородные предметы, явления, происходит их совокупный охват'. «В Финляндии, где немногим более 5 млн. жителей и в США с 280 млн. населения одинаковое количество министерств – по 14. Уникальная **вещь**! А, скажем, в Канаде министерств более 30». Определить присутствие государства в экономике // «Время МН» 2003.08.07; «Здесь логично было бы предположить, что спесивая бригада “Стрелы” – московская, а язвительная

“Экспресса” – питерская. Но это было бы слишком просто. ***Штука*** в том, что оба поезда приписаны к питерскому депо». Дуня Смирнова. Октябрьская железная дорога. // «Столица», 1997. 05.13;

- вариация 'указание на максимальную степень проявления качества'. «Разумное сочетание интересов государства и фермера – великая **вещь**». Владимир Плотников. Надо уметь держать удар. // «Аграрный журнал», 2002.02.15; «Но не избавляет от наказания. Да вы не волнуйтесь, ей дадут условно. И он добавил с обескураживающей простотой. – Я что ли не понимаю, что это **хреновина** полная! Но я просто опер, супостатов ловлю с перерывом на обед. А у следака высшее юридическое образование». Ольга Некрасова. Платит последний (2000);

Указание на предмет в содержании изучаемых имен может осложняться и таким дополнительным смысловым оттенком, как 'вопросительность' в такой его вариации, как 'указание на существование класса объектов с некоторыми свойствами без рассмотрения конкретного объекта из данного класса, с помощью которого говорящий хочет получить информацию о предмете и которое побуждает слушателя осуществить идентификацию' [6, р. 295]. «Какую первую **вещь** сыграли самостоятельно, будучи еще совсем маленьким?» Марк Тайманов. Эмоции неисчерпаемы. «64 – Шахматное обозрение», 2003. 10.15; «Следующий этап – это уже последнее преддверие катастрофы. Ведь тут какая **вещь**? Все предшествующие периоды тоже воспринимались как катастрофы». Андрей Волос. Недвижимость (2000). «Новый мир» (2001); «Ну что там у него с ладонями? Короче, какая **хреновина** на них написана?». Нина Садур. Немец (1996).

Уместно отметить, что, независимо от дополнительного смысла указательного местоименного значения исследуемых существительных, все они имеют в высказывании антецедент. Данный факт является еще одним аргументом в пользу отнесенности их к местоименным словам. Под антецедентом в лингвистике понимают «предыдущую единицу высказывания (слово, словосочетание, предложение), с которой соотносена – заменяя ее, указывая на нее и т.п. – другая, последующая» [4, р. 48]. Последующую единицу высказывания нередко называют проформой. Стереотипная проформа обычно является местоимением (в нашем материале существительным с местоименным значением), а стереотипный антецедент – существительным или именным словосочетанием. В то же время собранный материал показывает, что антецедентом может быть высказывание, представляющее собой простое или сложное предложение. «Его отец был “шишкой” в ТО время... Не то, чтоб очень большой, но все-таки. *Экономвнешторг*. Или как там эта **хроновина** называлась. Внешняя торговля. Экспорт». Л. В. Зайцева. Где прошлый год снег (2002); «Однако с каждой затяжкой у курильщика поднимается артериальное давление и учащается пульс: *никотин* – **штука** коварная». Курить по-прежнему вредно // «100% здоровья», 2002.11.11;

«Или ты кому-то говоришь, ... хочешь сказать *что-то важное*, а тебя кто-то сбил и ты: “Ой, я тебе одну **вещь** сказать, что-то ... щас, щас... ”». Евгений Гришковец. ОдноврЕмЕнно (2004).

В типичных случаях проформы следуют за своими antecedентами, но иногда они предшествуют им, и в этом случае их корректнее называть постцедентами. «А еще он сказал, когда принес мне татарский бифштек: “Я, Кыся, поглядел, что ты тушенку с подливой не очень уважаешь. Может, тебе эта **хреновина** подойдет?”. И показывает мне тарелку, на которой лежит довольно такой крупной лепешкой одуряюще пахнущий *сырой мясной фарш!*». Владимир Кунин. Кыся (1998-2000); «Ладно, допустим, что статистики не ошиблись, забудем также, что нефть – вдохновитель и организатор всех побед российской экономики, но только до снижения мировых цен. Но и тогда остается такая **штука**, как *экономический цикл*: непрерывных подъемом без регулярных спадов в экономике не бывает». Александр Дейкин. Своя игра // «Время МН». 2003.08.02.

У некоторых исследуемых проформ вербализованный antecedent (или postcedent) либо отсутствует, либо описывается неопределенно, эскизно. В таких случаях antecedent подразумевается, базируясь на практическом опыте носителя языка, общих знаниях социума о данном фрагменте мира. «Заступил на суточную вахту. Сторожа нет, собака на месте, инвентарь (молоток на длинной ручке, манометр и неизвестная **хреновина** неизвестного назначения) на своих местах». Дмитрий Каралис. Автопортрет (1999); «— На этой **штуке**? Горяев оглянулся на штуку и громко рассмеялся. — Какая же это **штука**? Это, брат Аркадий, не штука, а гениальная **хреновина**, которую господин Жюль Верн — читал такого? — описал в своей книге, ну где из пушки на Луну...». Анатолий Приставкин. Радиостанция «Тамара» (1994).

Направление десемантизации лексики, частотной в разговорной практике, может быть иным и иметь другие результаты. Так, значительное количество существительных, в сигнификативно-денотативном компоненте прямого значения которых присутствует оценка, способны в результате семантического развития по общим языковым моделям переноса (метафорического, метонимического, ассоциативного) развивать отдельное самостоятельное значение или смысл, в котором имеется один основной семантический компонент – прагматический (эмоциональная, эмоционально-эстетическая, эмоционально-этическая мелиоративная оценка). Мы согласны с мнением В.И. Шаховского о том, что «человек является не отражателем мира, а его интерпретатором, а интерпретирует этот мир он всегда пристрастно, т.е. эмоционально» [20, р. 42]. В ряде случаев такое отдельное переносное значение по своей функции – выражать эмоцию, а не называть ее – приближается к междоумному значению. Покажем десемантизацию содержания ряда существительных, приводящую к возникновению самостоятельного эмоционально-экспрессивного

значения на примере контекстов бытования слов **бальзам**, **каторга**, **конфетка**, **серость**, **смех**, **сказка** (более полный список см. в работе А. Н. Мамедовой [11]).

«Я в свою бытность школьником сменил шесть школ, но никогда такого беспредела не было ни в одной из них. Так что это творение – просто **сказка**. Конструктор, криво составленный бездарными (мягко говоря) режиссёрами и сценаристами». Коллективный. Форум: «Школа» Гай Германики (2010-2011); «Не дождь – **бальзам**! Не слезить бы, но похоже, что на этой неделе тысячи наших лесных спасателей из разных предприятий и ведомств даже без помощи дождей сумели переломить пожарную ситуацию». Георгий Кузнецов. Не дождь – бальзам! (2003) // «Восточно-Сибирская правда» (Иркутск), 2003.06.21; «А на самом деле Галя обожает журналы «Рассказ про это», «Жизнь – **конфетка**» и прочие издания, посвященные эротике и сексу». Дарья Донцова. Рождественский кролик (2011); «Я Тамара, зовут Томка. А та, полная, это Лора. Она в Теткина влюбилась, прямо **смех**. Я ей говорю, а она продолжает, прямо как психованная!». И. Грекова. На испытаниях (1967); «Книга долгая, нудная, **серость** ...». Коллективный форум: Дети (1999); «Будет новое ярмо для зарабатывания денег. И рассматривай это в каком угодно формате. Это не занудство, это добровольная **каторга**». Анатолий Кириллин. С собой не возьму // «Сибирские огни» (2012).

Лексико-семантическим показателем представленного отдельного переносного значения является специфика его лексической сочетаемости, влияние на развитие значения слова, что привлекает внимание многих семасиологов современности. [14, р. 175–191; 19, р. 456–463]. В ней отсутствуют вербализованные семантические актанты, такие, как субъект, объект, содержание, в значении которых могла бы находиться существенная часть информации, необходимая для понимания искомого слова. Форма слова закреплена: только слово-форма именительного падежа, единственного числа. Семантико-синтаксическим маркером опустошенных оценочных переносных значений является их употребление только в функции предиката. Предметно-понятийный компонент в подобных словоупотреблениях редуцирован, присутствует только как прототип, эмоционально-оценочный компонент является главенствующим.

Междометные употребления самостоятельного оценочного значения изучаемых существительных характеризуются значительной контекстуальной обусловленностью и встречаются в самостоятельном нечленении высказывании, обычно восклицательном [подробнее см. 5]. В общем значение омонимичного междометия можно охарактеризовать так: «восклицание, выражающее положительную или отрицательную эмоцию «Какой жеребец вырос! **Сказка**! В тренинг к хорошему спортсмену Волкову попал». Елена Макарова. Русская верховая // «Русский репортер», № 18 (18), 4-11 октября 2007»; «Ах, что за молодчина! **Конфетка**!

Положительно, **конфетка**!» С.Н. Сергеев-Ценский. Синопский бой (1940-1941); «Я прямо в глаза им это так и высказал, всем этим бездарям, что собрались на свое заседание по поводу издания их очередного альманаха «Алые паруса». Боже, какая **серость**!». Николай Довгай. Записки одного гения // «Точка зрения» (2013); «Сами на себя ярмо тянем – дайте нам начальника, пусть он нас унижает, нам так лучше! Мы без этого не можем. А ты знаешь, как таким начальником быть? **Каторга**!». Виктор Ремизов. Воля вольная // «Новый мир» (2013).

Толковые словари довольно часто фиксируют десемантизированные прагматические значения, помечая их либо как оттенки основного значения, либо как отдельное значение. Так существительное **сказка** зафиксировано в опустошенном значении в Сл. Ушакова, МАС, БАС: «|| перен. О чем-либо чудесном, поразительном, удивительном» Ее три комнаты – изящная сказка, перенесенная в старинный помещичий дом. Вересаев, К жизни (по даным МАС, аналогично другие названные словари), а также в Русском семантическом словаре: 3. 'То же, что чудо'. Не костюм, а сказка! Не домик, а сказка! Не лес, а сказка! [РСС].

Лексема **бальзам** в качестве одного из значений имеет в ряде толковых словарей эмоционально-оценочное: 'Средство утешения, облегчения'. Пишите мне, не жалейте целительного бальзама, в котором я так нуждаюсь. Чехов, Письмо В. А. Тихонову, 5 янв. 1899 (МАС, аналогично Сл. Ушакова, БАС, РСС).

Слово **конфетка** отмечено в отдельном оценочном значении в БАС и РСС: «|| Разг. О ком-, чем-либо нарядном, красивом, приятном на вид». Купил [Медведков] домик, а домики тут как конфетки. Соколов-Микитов, Чижикина лавра (БАС, аналогично РСС).

Существительное **смех** зафиксировано в самостоятельном эмоционально-оценочном значении с аналогичным толкованием и в Сл. Ушакова, и в РСС: 2. 'В значении сказуемого. О чем-н., способном лишь рассмешить, возбудить к себе комическое чувство (простор. пренебр.)'. Смех, право, людям: приехали на ярмарку, и хоть бы горсть пеньки продали. Гоголь (Сл. Ушакова, аналогично РСС).

Лексема **серость** в РСС имеет отдельное оценочное значение: 'нечто маловыразительное, посредственное, серое'. Жизнь однообразная – серость! Нечего читать эту серость! (РСС).

Существительное **каторга** зафиксировано в Сл. Ушакова и в РСС в самостоятельном оценочном значении: 3. 'О чем-то очень тяжелом, невыносимом'. Общаться, разговаривать с ним – для меня каторга (РСС, аналогичное толкование в Сл. Ушакова).

Третье направление десемантизации существительных в разговорной речи – это редуция в значении слова понятийно-предметного содержания с одновременной семантизацией и актуализацией как эмоционально-экспрессивного компонента, так и нумерологического семантического

компонента 'большое или избыточное количество (больше нормы, меры)'. Такой вид десемантизации, на наш взгляд, характерен для контекстных употреблений лексем **бездна, волна, гора, поток, пропасть, урожай**, обладающих в прямом значении семой 'значительное превышение стандартных характеристик (типичного количества чего-л. или свойств пространства: глубины, высоты чего-л.)'.

«Да нет, – говорил Леня, – здесь *бездна плюсов*, особенно в Женеве». Дина Рубина. Медная шкатулка (2011-2015); «Когда поднялась *волна* персональных компьютеров, инвесторы вышли на охоту за доходностью». Письмо мужчины (2003); «Когда я добрёл с новгородскими поисковиками до наблюдательного пункта, первое, что увидел, была *гора* алюминиевых *гильз* от сигнальных ракет». Михаил Карпов. Список Визенталя // «Совершенно секретно», 2003.05.05; «Приведённые аналитиками цифры, скорее всего, среднестатистические, причём получены они по компаниям, внедрившим технологии массового телефонного обслуживания, то есть у них уже есть большой *поток* телефонных звонков». Валерий Коржов. Банк с роботизированным лицом // «Computerworld», 2004; «То, что *поток* желающих получить высшее образование растёт год от года, подтверждают и директора школ». Ю. Ф. Флоринская, Т. Г. Рощина. Жизненные планы выпускников школ из малых городов (2004) // «Человек», 2005; «А через две недели выложили ролик ... на «Ютуб», собрав большой *урожай* острых гражданских *откликов* с разных стран и континентов». Евгения Долгинова. Бузулукская аномалия // «Русская жизнь», 2012.

В приведенных примерах существительные **бездна, волна, гора, поток, пропасть, урожай** обозначают неопределенное количество, так же, как и неопределенно-количественные числительные типа *много, немало*, и реализуют способность человека оперировать нечеткими, приблизительными множествами. В то же время в содержании этих существительных присутствует эмоционально-экспрессивный компонент. Аналогично неопределенно-количественным числительным они выступают в предложении в сочетании с именем существительным или с субстантиватом в форме родительного падежа, которые имеют значение таких актантов, как содержание (*бездна плюсов, гора идей*), субъект (*поток желающих*).

Гораздо реже исследуемая третья группа лексем выполняет функцию предиката. «Гипотез – **бездна**!!» Василий Дубовский. Следствие ведут археологи // «Новгородские ведомости», 2003.03.22; «Я тоже потянулся, но Кан мне кивнул головой на второй гарпун. Схватил я его, сердце колотится – сейчас слюга возьмем! Это ж месяц можно в море не ходить. Во-первых – мяса целая **гора**. Потом – из костей лучшие гарпуны получаются». Денис Тихий. Огородник с острова Басаноту (2015); «Я журналист и могу написать, что вам угодно, но между тем временем и нынешним – целая **пропасть**. Тогда наши танки еще не ползли по улицам столиц Ев-

ропы». Ю.О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 2 (1943-1958).

Толковые словари нередко фиксируют нумерологическое значение либо употребление названных лексем.

Лексема бездна. 2. 'кого-чего. Разг. Огромное количество, множество'. – В июле мы будем ездить на остров, чай пить. Там бездна цветов. И. Гончаров, Обрыв. (МАС).

Лексема волна. 1. // 'перен. кого-чего. Появляющаяся или сменяющаяся одна другую в движении масса, поток кого-, чего-л.' По гулу можно было определить, что их [бомбардировщиков] много и что идут они волнами. Поповкин, Семья Рубанюк. // 'чего. Неожиданное и сильное проявление чего-л., возникновение какого-л. чувства или состояния'. Волна недовольства. Волна восторга охватила Глеба. Гладков, Цемент. Страну всколыхнула волна забастовок. Первенцев, В Исландии (МАС).

Лексема гора. 2. 'чего, из чего. Множество, большое количество чего-л. сложенного в кучу, нагроможденного, сваленного кучей'. Направо возвышалась до самого потолка гора из шуб, сало-пов, меховых сапог и стареньких, поистасканных шерстяных платков. Григорович, Проселочные дороги (МАС).

Лексема поток. 2. 'чего или какой. Множество, масса кого-, чего-л. движущегося в одном направлении'. Людской поток. Поток автомобилей. Выпуская потоки светящихся пуль, немцы шли на нашу цепочку. Бек, Волоколамское шоссе. // 'Множество, масса чего-л. непрерывно поступающего или направляемого куда-л.'. Поток грузов. Поток телеграмм. Поток информации (МАС).

Лексема пропасть. 3. 'кого-чего. Разг. Очень большое количество, множество'. Из комнаты пришлось вымести пропасть мусору и вытереть повсюду пыль. А.Н. Толстой, Портрет. | 'в знач. сказ. – Привели меня в кабинет. Цветов пропасть, убранство отличное. Тургенев, Петр Петрович Каратаев 4. 'знач. междом. Разг. Восклицание, выражающее неудовольствие, досаду'. – Тыфу ты пропасть! Да ты, батюшка, протри глаза-то, отрезвись хоть для великого божьего праздника! Достоевский, Село Степанчиково. [Иванов:] – Ах ты, пропасть! Ничего не помню. Далее в озноб и жар бросает! А. Островский, Счастливый день (МАС).

Лексема урожай. 2. 'Изобилие уродившегося зерна, плодов, трав и т.п.' // 'перен.; на кого-что. Разг. Вообще изобилие, множество чего-л.'. Нынешний год – урожай на альманахи. Белинский, Одесский альманах на 1839. – На невест у нас, слава богу, урожай... Женись-ка, право, да ступай жить с стариком. Соллогуб, Тарантас (МАС).

Виды семантизации, представленные в статье, по нашему мнению, зависят от основного значения слова, его лексической сочетаемости и синтаксической функции. Лексемы с абстрактным или общим родовым значением типа **вещь, дело, понятие** в процессе развития своей семантической структуры способны приобретать значения и смыслы ситуативного местоименного характера.

Существительные, имеющие в своем прямом значении эмоционально-экспрессивный компонент типа **каторга, серость, смех**, могут развивать полностью опустошенные, содержащие только прагматический компонент, значения и смыслы. Имена, обладающие в своем основном значении компонентом «значительное превышение стандартных характеристик» типа **бездна, волна, гора**, могут диффузно актуализировать в своих переносных употреблениях одновременно семы нумерологического и прагматического характера.

В целом описанные виды десемантизации определенных существительных в разговорной речи отличаются следующими свойствами. В первом виде, когда имя приобретает местоименное значение, происходит трансформация содержания в связи с тем, что уходит функция называния и обозначения. Существительные в местоименном значении только указывают на предмет, явление, ситуацию. Во втором виде процесса десемантизации, когда имя в качестве вершины своего значения имеет прагматический компонент, а его сигнифика-

тивно-денотативный компонент находится на периферии, происходит модификация семантики существительного в связи с другой иерархией функций: на первый план выходит эмоционально-экспрессивная функция. Во втором виде в редких случаях может происходить трансформация содержания слова: это случаи междометного употребления исследуемых лексем, когда имя уже не обозначает оценку, а выражает эмоцию говорящего. В третьем виде процесса десемантизации, когда существительное приобретает диффузную семантику, в которой одновременно присутствует и нумерологический, и прагматический компоненты, происходит модификация содержания лексемы.

В целом, разговорное обиходное общение имеет в своей основе поверхностное, ориентировочное знание, особенностями которого являются фрагментарность и неточность употребляемых понятий, опора на жизненный опыт, гипертрофированность эмоций, конкретность, что и отображается в семантической структуре представленных существительных.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Словарная статья ВООБРАЖЕНИЕ // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 44–46.
 2. Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Драгой О. В. и др. О методе комплексного семантического, статистического и психолингвистического анализа многозначности // Русская речь. 2019. № 1. С. 8–17.
 3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
 4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
 5. Грязнова В. М. Мамедова А. Н. Специфика семантической структуры существительных с мелиоративной оценкой в сигнификативно-денотативном компоненте прямого значения в современном русском языке // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 1. С. 196–204.
 6. Зализняк А. А. Местоимение // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. 1990. С. 295.
 7. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур. 2006. 672 с.
 8. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. Волгоград: Парадигма, 2010. 433 с.
 9. Корсунова И. Н. Дейктические существительные в современном русском языке: состав, семантика, прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2015. 29 с.
 10. Крылов С. А., Падучева Е. В. Местоименные слова // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. 1990. С. 295.
 11. Мамедова А. Н. Оценочно-характеризующие существительные с ослабленной или утраченной номинативной функцией в современном русском языке: состав и динамика семантической структуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2020. 29 с.
 12. Никифорова Е. Б., Мордвинкина Е. С. Эволюция семантики лексем лексико-семантической группы «сладости» в русском языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 6 (129). С. 94–99.
 13. Писаренко Д. А. Слово *смерть* в русском языке: семантический, семиотический, лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2021. 30 с.
 14. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.
 15. Реформатский А. А. Введение в языкознание / под ред. В. А. Виноградова. М.: Просвещение, 1967. 542 с.
 16. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
 17. Русский язык: Теоретическое описание / Д. А. Галай, Н. В. Гутова, И. Л. Замяткина и др.; под ред. А. А. Курулёнка, Е. Д. Черневой. Куйбышев: Барабинская типография, 2012. 191 с.
 18. Урысон Е. В. Словарная статья *предчувствие* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. / под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Школа «Языки русской культуры». 1997. С. 272–276.
 19. Урысон Е. В. Сдвиг семантического акцента в значении лексемы (*предчувствие, голод, аппетит*) // Русский язык сегодня. Вып. 1. Сб. статей. / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Азбуковник, 2000. С. 456–463.
 20. Шаховской В. И. Эмоциональная картина мира в вербальной презентации // Мир русского слова. 2019. № 1. С. 35–43.
 21. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977. 335 с.
- Словари и источники*
22. БАС: Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. / М. –Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950–1965.
 23. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2009. 1536 с.
 24. ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
 25. МАС: Словарь русского языка. В 4-х т. / 4-е изд. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.
 26. Национальный корпус русского языка URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 21.07.2022).
 27. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык. 1994. 796 с.
 28. РСС: Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. III. М.: Азбуковник, 2003. 720 с.
 29. Сл. рус. арг.: Елистратов В. С. Словарь русского арг (материалы 1980–1990 гг.). М.: Азбуковник, Русские словари, 2000. 693 с.
 30. Ушаков: Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Русские словари, 1995.

References

1. Apresyan Yu. D. Dictionary entry IMAGINATION. New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language. First issue. Ed by Yu.D. Apresyan. Moscow: YAzyki russkoj kul'tury; 1997. p. 44-46. (In Russ.).
 2. Apresyan V. YU., Apresyan YU. D., Dragoj O. V. ect. On the method of complex semantic, statistical and psycholinguistic analysis of ambiguity. *Russkaya rech'*. 2019;1:8-17. (In Russ.).
 3. Arutyunova N. D. Language and the human world. Moscow: YAzyki russkoj kul'tury; 1999. 896 p. (In Russ.).
 4. Axmanova O. S. Dictionary of Linguistic Terms. Moscow: Sovetskaya e'nciklopediya; 1966. 608 p. (In Russ.).
 5. Gryaznova V. M. Mamedova A. N. The specifics of the semantic structure of nouns with reclamation evaluation in the significative-denotative component of direct meaning in Modern Russian. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2021;1:196-204. (In Russ.).
 6. Zaliznyak A. A. Pronoun in Linguistic encyclopedic dictionary'. Moscow: Sovetskaya enciklopediya. 1990. P.295. (In Russ.).
 7. Zaliznyak A. A. Ambiguity in language and ways of its representation. Moscow: YAzyki slavyanskih kul'tur; 2006. 672 p. (In Russ.).
 8. Karasik V. I. Linguistic crystallization of meaning. Volgograd: Paradigma, 2010. 433 p. (In Russ.).
 9. Korsunova I. N. Deictic nouns in modern Russian; composition, semantics, pragmatics: abstract of thesis. Stavropol'; 2015. 29 p. (In Russ.).
 10. Krylov S. A., Paducheva E. V. Pronominal words in Linguistic encyclopedic dictionary. Moscow: Sovetskaya enciklopediya; 1990. P. 295. (In Russ.).
 11. Mamedova A. N. Evaluative-characterizing nouns with weakened or lost nominative function in modern Russian: composition and dynamics of semantic structure: abstract of thesis. Stavropol'; 2020. 29 p. (In Russ.).
 12. Nikiforova E. B., Mordvinkina E. S. Evolution of lexeme semantics lexico-semantic group "sweets" in Russian in *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2018;6(129):94-99. (In Russ.).
 13. Pisarenko D. A. The word death in the Russian language: semantic, semiotic, linguoculturological aspects: abstract of thesis. Stavropol'; 2021. 30 p. (In Russ.).
 14. Rahilina E. V. Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility. Moscow: Russkie slovari; 2008. 416 p. (In Russ.).
 15. Reformatskij A. A. Introduction to Linguistics. Ed by V.A. Vinogradov. Moscow: Prosveshchenie; 1967. 542 p. (In Russ.).
 16. Russian grammar. Vol. 1. Moscow: Nauka; 1980. 783 p. (In Russ.).
 17. Russian: Theoretical description. D. A. Galaj, N. V. Gutova, I. L. Zamyatkina, ect; ed by A. A. Kurulyonk, E. D. CHerneva. Kujbyshev: Barabinskaya tipografiya; 2012. 191 p. (In Russ.).
 18. Uryson E. V. Dictionary entry PREMONITION. in New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language. First edition. Under the general guidance of academician. Yu.D. Apresyan. Moscow: YAzyki russkoj kul'tury; 1997. P. 272-276. (In Russ.).
 19. Uryson E. V. Shift of semantic emphasis in the meaning of the lexeme (premonition, hunger, appetite) in Russian language today. Vol. 1. Sat. articles. / RAS. Institute of Russian Language named after. V.V. Vinogradova. Rep. ed. L.P. Krysin. Moscow: Azbukovnik; 2000. P. 456-463. (In Russ.).
 20. SHahovskiy V. I. Emotional picture of the world in a verbal presentation. *Mir russkogo slova*. 2019;1:35-43. (In Russ.).
 21. SHmelev D. N. Modern Russian language. Vocabulary. Moscow: Prosveshchenie; 1977. 335 p. (In Russ.).
- Dictionaries and sources*
22. Dictionary of modern Russian literary language. In 17 vols. Vol. 1-17. Moscow- Leningrad: RAS of USSR publ.; 1950-1965. (In Russ.).
 23. Large explanatory dictionary of the Russian language. St. Petersburg: Norint; 2009. 1536 p. (In Russ.).
 24. Linguistic Encyclopedic Dictionary. Moscow: Sovetskaya e'nciklopediya; 1990. 685 p. (In Russ.).
 25. Dictionary of the Russian language. In 4 vols. Moscow: Russkii yazyk; Poligrafresursy; 1999. (In Russ.).
 26. National corpus of Russian language URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 21.07.2022). (In Russ.).
 27. Ozhegov: S. I. Dictionary of the Russian language. Moscow: Russkij yazyk; 1994. 796 p. (In Russ.).
 28. Russian semantic dictionary. Ed by N.Yu. Shvedova. Vol.3. Moscow: Azbukovnik; 2003. 630 p. (In Russ.).
 29. Dictionary of Russian Argot (materials 1980-1990). Moscow: Azbukovnik, Russkie slovari; 2000. 693 p. (In Russ.).
 30. Ushakov D. N. Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 t. Moscow: Russkie slovari; 1995. (In Russ.).